

Г.О. Халова, Н.И. Иллерицкий

Экономический, энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии как фактор геополитического противостояния в условиях меняющегося миропорядка

Аннотация. В статье авторами анализируются экономический, природно-ресурсный и энергетический потенциал государств Центральной Азии. На основании изученных материалов выявлено, что в условиях меняющегося миропорядка эти государства становятся важными акторами геополитического противостояния. Данное исследование выявило, что важными импульсами социально-экономического развития государств региона становятся реализация проектов международного транспортного коридора «Север — Юг», а также инициативы «Пояс и путь». Еще одним важным фактором укрепления геоэкономического положения государств и их социально-экономического развития являются такие интеграционные объединения как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Союз независимых государств (СНГ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Ключевые слова: экономика, энергетика, природно-ресурсный потенциал, геополитика, геоэкономика, Центральная Азия, Россия, Китай, ЕАЭС, ШОС, СНГ.

Авторы: Халова Гюльнар Османовна, главный научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований, доктор экономических наук, профессор, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: khalovag@yandex.ru
Иллерицкий Никита Игоревич, ведущий научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований, кандидат экономических наук, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: illernick@yandex.ru

Gulnar O. Khalova, Nikita I. Illeritskiy

Economic, Energy and Natural Resource Potential of Central Asia as a Factor in Geopolitical Confrontation in the Context of a Changing World Order

Abstract. In this article the authors analyze the economic, natural resource and energy potential of the Central Asian states. Based on the materials studied, it was revealed that in the conditions of a changing world order, these states are becoming important actors in geopolitical confrontation. This study revealed that the implementation of projects of the international transport corridor “North-South”, as well as the Silk Road Economic Belt, is becoming an important impetus for the socioeconomic development of the states of the region. Another important factor in strengthening the geo-economic position of states and their socio-economic development are such organizations as the Eurasian Economic Union (EAEU), the Commonwealth of Independent States (CIS) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Keywords: economics, energy, natural resource potential, geopolitics, geo-economy, Central Asia, Russia, China, EAEU, SCO, CIS.

Authors: Gulnara O. Khalova, Chief researcher, Center for Central Asian Studies, Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: khalovag@yandex.ru

Nikita I. Illeritskiy, Leading researcher, Center for Central Asian Studies, PhD in Economics, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: illernick@yandex.ru

Одним из ведущих исследователей в области военной науки и международных отношений в начале XX века был британский географ и историк Халфорд Джон Маккиндер. Его считают одним из основателей геополитики, и именно он первым сформулировал концепцию геоцентрической оси истории, или, в оригинале, «heartland» (сердцевина, срединная земля). Данное словосочетание стало широко распространенным в западной геополитической науке. Территория, которую Маккиндер называл heartland, охватывала обширные пространства Евразии и частично совпадала с границами Российской Империи того времени. По мнению Маккиндера, эти территории являлись центром мира, в отличие от «полупериферии» и «периферии», в которых располагались страны Западной Европы и Америки, и, в отличие от большинства других регионов мира, эти территории обладали огромными запасами природных ресурсов и большой численностью населения. Кроме того, на протяжении всей истории человечества они являлись местом зарождения и развития десятков цивилизаций: здесь встречались, пересекались и смешивались люди, товары, знания и идеи со всего Евразийского континента — Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. Однако эти территории не имеют выхода к морю, и поэтому были недоступны для экспансии Британской Империи, о чем западный исследователь уже в то время весьма сожалел [Mackinder, 1904].

Фактически, Маккиндер писал о территориях Центральной Азии (далее — ЦА), и, несмотря на то, что события XX века и начала XXI века изменили мировой порядок, породили множество разнообразных теорий, новых геополитических и геоэкономических концепций, стратегическое значение территорий Центральной Азии не просто никогда не подвергалось сомнению, но, напротив, только росло со временем.

Необходимо также помнить, что, в соответствии с определением ЮНЕСКО, которое не выделяет различий между Средней Азией и Центральной Азией, регион включает Монголию, северо-западный Китай (Синьцзян, Тибет, Внутреннюю Монголию, Цинхай, запад Сычуани и север Ганьсу), Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также районы азиатской России южнее таёжной зоны, Афганистан, северо-западную часть Индии, северную часть Пакистана, северо-восточную часть Ирана. Определение ЮНЕСКО в целом соответствует понятию «heartland» Х. Дж. Маккиндера. В нашем исследовании в число стран Центральной Азии мы включили постсоветские республики: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Сегодня нам известно, что в Центральной Азии сосредоточены значимые запасы ценных природных ресурсов, начиная от традиционных топливно-энерге-

тических — угля, нефти, природного газа — и заканчивая цветными металлами, редкоземельными элементами, жизненно необходимыми для бурно развивающейся сферы новых и возобновляемых источников энергии (НВИЭ) и высоких технологий.

Через территорию государств ЦА проходит несколько значимых транспортных проектов. Главные из них — инициатива «Пояс и путь» (ИПП) и мультимодальный транспортный коридор «Север—Юг». То есть, территория Центральноазиатских республик, являясь местом пересечения торговых путей, становится платформой, где пересекаются транспортные маршруты поставки товаров между странами Европы и Азии, что создает возможности получения доходов от транзита грузов через территорию государств ЦА.

Отметим, что среди стран Центральной Азии Казахстан обладает значимыми в мировом масштабе запасами нефти, газа, урана, хрома, цинка, марганца, меди, угля, железной руды и золота, а также фосфоритов. Туркменистан является одним из мировых лидеров по запасам природного газа. Узбекистан характеризуется богатыми запасами руд черных и цветных металлов, а также урана и золота, в то же время являясь важным участником регионального рынка природного газа. Минерально-сырьевую базу Кыргызстана также составляют месторождения благородных, цветных и редких металлов и нерудного сырья. На севере Таджикистана расположено одно из крупнейших в мире месторождений серебра, страна богата месторождениями драгоценных камней, урана, золота, угля, алюминиевыми и полиметаллическими рудами. Почти по всем ключевым природным ресурсам мировой энергетики, металлургии и тяжелой промышленности запасы стран Центральной Азии превышают 1 % от мировых, по природному газу — 10 % от мировых, по урану — 15 % от мировых (табл. 1).

Таблица 1. Оценка запасов основных энергетических и минеральных ресурсов в странах Центральной Азии, %

Ресурс	Страна					
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	
Нефть	1,0	Менее 0,1	Менее 0,1	Менее 0,1	Менее 0,1	
Газ	1,3			9,8	0,6	
Уголь	2,4			Менее 0,1	Менее 0,1	0,1
Уран	13,0					2,0
Черные металлы	1,3					0,1
Цветные металлы	1,0					0,2
РЗМ						0,1
Драгоценные металлы	2,0					1,5
Нерудное ценное сырье	До 3					Около 0,5

Источники: составлено авторами на основе [EI Statical Review; U.S. Geological Survey; WNA: Uranium Supply].

Многие из ресурсных богатств стран Центральной Азии требуют дополнительной разведки и изучения, и в настоящее время разрабатываются не так активно, сохраняя свой потенциал на будущее. Необходимо учитывать, что в последние несколько десятилетий активная геологоразведка в большинстве стран Центральной Азии фактически прекратилась, а во многих горных районах Таджикистана и Узбекистана и вовсе никогда не осуществлялась, поэтому текущие данные, скорее всего, сильно занижены, и новые геологические открытия в Центральной Азии — лишь вопрос инвестиций, технологий и времени. Во многом это обусловлено исторической географической труднодоступностью данного региона: поскольку ни одна из стран Центральной Азии не имеет прямого выхода к мировому океану, традиционная модель развития с вовлечением в глобализацию и мировую торговлю для них долгие годы оставалась не вполне эффективной (как, например, для так называемых стран «азиатских тигров»).

Важнейшим ресурсом Центральноазиатского региона является его население. За годы независимости постсоветских республик оно выросло в 1,6 раза с 50,5 млн человек в 1990 г. до 80,0 млн человек в 2023 г. (табл. 2).

Таблица 2. Динамика численности населения стран Центрально-Азиатского региона в 1990—2023 гг., млн человек

Год	Страна				
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
1990	16,4	4,4	5,3	3,8	20,6
2000	14,9	4,9	6,2	4,7	24,5
2010	16,3	5,4	7,6	5,3	28
2020	18,8	6,5	9,5	6,3	33,9
2023	19,9	6,9	10,1	7,1	36

Источник: составлено авторами на основе [В Туркменистане подвели..., 2022; Российский статистический ежегодник, 2003; World Economic Outlook Database, 2024].

Значительную долю населения республик ЦА составляют молодые люди. Это будущие производительные силы региона. И в случае их эффективного использования за счет грамотной социально-экономической политики, они могут стать драйверами роста экономик государств региона.

Отметим, что природно-ресурсные богатства, а также сельскохозяйственный потенциал региона получили хороший шанс на освоение и реализацию в период СССР, поскольку в условиях советской экономики проблема высоких транспортных издержек и удаленности региона от центров производства и потребления не стояла так остро, как в условиях современной рыночной экономики. Советский Союз мог позволить себе долгосрочные и крупномасштабные проекты по развитию сельского хозяйства, промышленности и логистики в центральноазиатских республиках, однако распад СССР и формирование независимых центральноазиатских государств существенно изменили их векторы развития в последующие десятилетия. Казахстан и Туркменистан выбрали модель развития,

основанную преимущественно на монетизации природно-ресурсной ренты, используя свое наиболее удобное географическое положение — близость к логистическим возможностям России (для казахстанской нефти) и китайскому рынку (отчасти для казахстанской нефти). Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан развивают свою экономику во многом за счет экспорта трудовых ресурсов, сельскохозяйственной продукции и туризма. Важно отметить, что Казахстан и Кыргызстан с 2014 г. также весьма успешно интегрировались в Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС).

По сравнению с 1990-ми годами экономики государств Центральной Азии росли неравномерно (рис. 1).

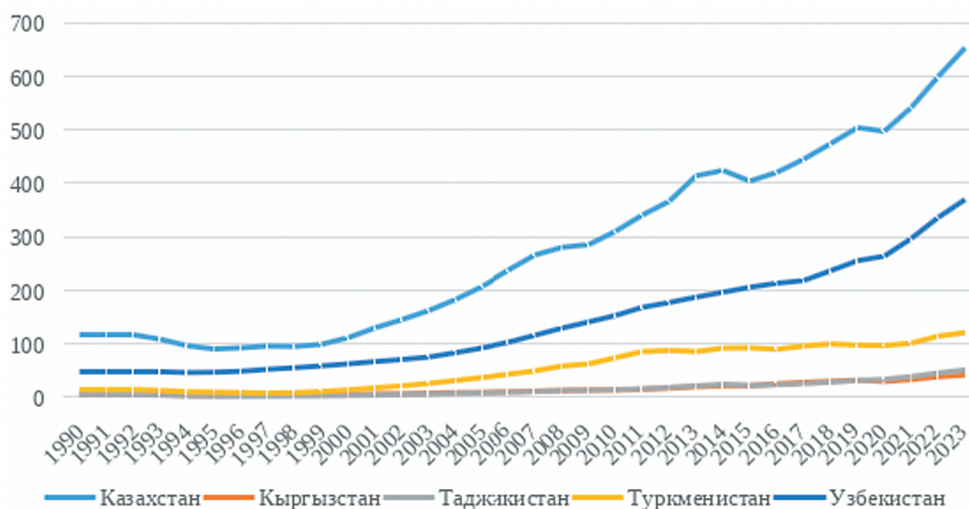

Рис. 1. Динамика ВВП (по ППС) государств Центральноазиатского региона в 1990—2023 гг., млрд долл. *Источник:* составлено на основе [World Economic Outlook Database, 2024].

Аналогичная тенденция наблюдалась и в динамике показателя ВВП (по ППС) на душу населения (рис. 2).

На протяжении всего постсоветского периода, вплоть до 2021—2022 гг., страны Центральной Азии стремились поддерживать баланс в развитии отношений со всеми мировыми экономическими и политическими центрами — Российской Федерацией, Китаем, Европейским Союзом, США и другими странами «коллективного Запада». Новые государства, которые столь недавно по историческим меркам обрели независимость и суверенитет, стремились активно встраиваться в мировую экономику, привлекать иностранные инвестиции, формировать собственные политические системы и модели экономического развития. Однако пристальное внимание к региону, давление на страны и инфильтрация с целью внешнего воздействия начались уже в 1990-е годы. Достаточно вспомнить многочисленные европейские, британские и американские проекты (например, INOGATE, TRASECA), направленные на формирование лояльной и комфортной для стран Запада институциональной среды, попытки «инвестиционного

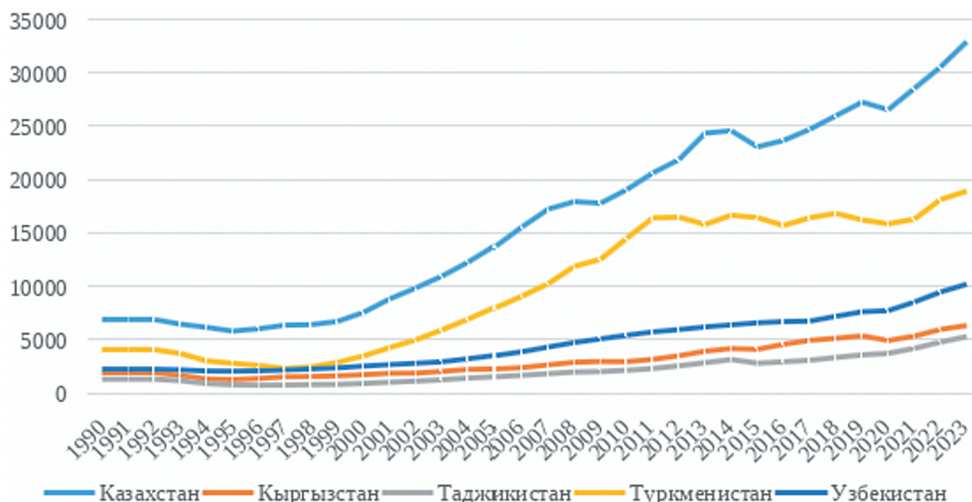

Рис. 2. Динамика ВВП (по ППС) на душу населения государств Центральноазиатского региона в 1990—2023 гг., долл. *Источник:* составлено на основе [World Economic Outlook Database, 2024].

захвата» западными ресурсодобывающими мейджорами наследия советской горнодобывающей и нефтегазодобывающей промышленности и инфраструктуры, многочисленные вмешательства в системы образования и формирование государственных элит через так называемые «партнерские» программы и проекты. Активно стремился (и продолжает стремиться) усилить свое присутствие в регионе и Китай — хотя, в первую очередь, исключительно экономическое, фактически не вмешиваясь в политические аспекты и не навязывая, в отличие от стран «коллективного Запада» свою социально-политическую и экономическую систему. Но главное в том, что, начиная с середины 2010-х годов миропорядок, сложившийся после окончания «холодной войны», начал приходить в упадок, а фаза его активного разрушения наступила сегодня. По выражению Ф.А. Лукьянова, которое уже стало крылатым, мы оказались «внутри учебника истории», и многие формы геополитического и геоэкономического противостояния из пассивных, скрытых и мягких уже перешли или переходят в активные, открытые и жесткие [Внутри учебника истории].

В 2022 г. стало очевидно, что реанимация прежнего миропорядка невозможна, а конфронтация России с США и их союзниками станет долговременной и будет усиливаться. В условиях односторонних и несправедливых санкций либеральные режимы международной торговли, глобализация и движение капиталов деградируют, авторитет финансовых институтов падает, а доверие к международному праву для большинства стран мира — по терминологии С.В. Караганова, «Мирового большинства» — фактически утрачено [Караганов, 2022].

Данные тенденции активно проникают и в подсистему региональных международных экономических отношений в Центральной Азии. С одной стороны, наметившиеся изменения в миропорядке создают для малых стран ряд возмож-

ностей для внешнеполитического маневра, которых у них не было в условиях стабильной мировой системы с уже распределенными ролями. Страны Центральной Азии могут (и будут) предпринимать попытки извлечь максимальные выгоды для себя от любых изменений в мировой экономике и политике. С другой стороны, обострение геополитического и геоэкономического противостояния в регионе означает усиление давления на них со стороны противоборствующих сторон: России, Китая, коллективного Запада и, отчасти, Турции, которая в текущих условиях пытается в очередной раз в своей истории претендовать на роль великой державы. При этом, каждый актер предлагает собственные транспортные проекты развития логистического потенциала региона. Российская Федерация является лидером ЕАЭС и предлагает к реализации проект МТК «Север—Юг», Китай предлагает ИПП. Со своей стороны, страны «коллективного Запада» предлагают проекты международных транспортных коридоров в собственных интересах (такие, как TRASECA) и стремятся к экономическому освоению ключевой инфраструктуры и стратегических ресурсов, а Турция продвигает идею этно-националистского «Великого Турана» для объединения тюркских народов Евразии под своим лидерством [Михалёв, 2024].

Таким образом, в Евразии сталкиваются интересы различных, и зачастую несовместимых между собой инициатив и проектов, что не позволяет говорить о благоприятной среде для долгосрочной геоэкономической стабильности. Структурным препятствием для реализации этих инициатив является то, что евразийский регион характеризуется высокой социально-экономической и политической неравномерностью стран, и в том числе по этой причине ни один из рассмотренных сценариев интеграции пока не может стать доминирующим и вытеснить другие. Кроме того, начало процесса трансформации мирового порядка застало регион в состоянии структурной неопределенности. Крупнейшие страны региона (по объему ВВП и численности населения) — Казахстан и Узбекистан — пока еще не смогли реализовать свой экономический и ресурсный потенциал за прошедшие три десятка лет в мере, достаточной для претензии на региональное лидерство. Как уже отметили, единой интеграционной модели, либо общей для всех стран ЦА международной организации пока еще также не сложилось: в регионе функционируют ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ, различные многосторонние диалоговые форматы, но ни один из них пока еще не стал универсальным и для стран Центральной Азии, и для ведущих евразийских держав — России, Китая, Индии (табл. 3).

Перечисленные региональные организации не всегда блестяще справляются неблагоприятными изменениями мировой системы. ОДКБ показала свою эффективность в рамках событий января 2022 г. в Казахстане, однако столкнулась с серьезным кризисом в ходе обострения армяно-азербайджанского конфликта и украинского кризиса. Армяно-азербайджанский конфликт, политическое давление на Армению и Казахстан, санкционное давление на Россию имеют целью расшатать и замедлить процессы экономической и энергетической интеграции ЕАЭС, сформировать неблагоприятные условия для его расширения. Ключевые противоречия ШОС не связаны со странами Центральной Азии напрямую, но специфические отношения между Китаем и Индией снижают эффективность

Таблица 3. Основные региональные интеграционные объединения и международные организации с участием стран Центральной Азии

Страны		Организация			
		ЕАЭС	ШОС	ОДКБ	СНГ
Страны Центральной Азии	Казахстан	Участник	Участник	Участник	Участник
	Кыргызстан				
	Таджикистан	—	—	—	
	Туркменистан				
	Узбекистан	Наблюдатель	Участник	Участник	
Россия	Участник				
Справочно	Китай	Сопряжение, ЗСТ	Участник	—	—
	Индия	ЗСТ		—	—

работы блока [Халова, Иллерицкий, 2023]. Значимость СНГ как регионального интегратора, с учетом всех противоречий между его участниками, в последние десятилетия существенно снизилась.

Это означает, что регион, при всей его исторической общности, в сегодняшних условиях остается весьма фрагментированным с точки зрения экономической интеграции и обеспечения военно-политической безопасности. Безусловно, такая фрагментация выгодна в первую очередь внешним игрокам — главным образом, коллективному Западу — *divide et impera*. Однако стратегически это совершенно неприемлемо для внутрирегиональных акторов, то есть, как для самих государств Центральной Азии, так и для России. На наш взгляд, отсутствие единого видения будущего, единого целеполагания, единой стратегической программы развития региона — главный вызов и риск для нашей страны в современных реалиях. Страны Центральной Азии остаются для России важнейшими партнерами, их успешное социально-экономическое развитие и политическая стабильность в регионе являются важным фактором успешного преодоления текущего кризиса. Сами страны Центральной Азии также весьма заинтересованы в проведении предсказуемой и отвечающей российским интересам внешней политики, несмотря на возрастающее внешнее давление со стороны «коллективного Запада» [Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии...].

Китаю, который имеет собственную внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию, связанную с регионом Центральной Азии, внешнее вмешательство также совершенно не нужно. В регионе сохраняются некоторые элементы конкуренции, соперничества с Россией, однако стратегические интересы двух стран совпадают. В последние несколько лет Москва и Пекин выступают единым фронтом против действий внешних участников, направленных на подрыв стабильности в сопредельных регионах [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях...].

Кроме того, Россия и Китай подтверждают свои намерения координировать поддержку стран Центральной Азии в обеспечении их независимости и нацио-

нального развития, а также защиты от вмешательства во внутренние дела региона [Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой...].

Здесь важно отметить, что именно российское и китайское стратегическое видение развития региона оказалось наиболее жизнеспособным и взаимно совместимым. ЕАЭС и ИПП сохранили свою эффективность и векторы развития в сложных условиях — сначала в период пандемии COVID-19, а затем и во время геополитических потрясений 2022—2024 гг. При этом именно российская и китайская инициативы транслируют наиболее весомые экономические смыслы, как-то: трансконтинентальное развитие энергетики и промышленного производства, инфраструктурные мегапроекты, снятие трансграничных барьеров для торговли товарами и услугами. При этом Москва и Пекин не насыщают повестку избыточным политическим давлением или санкционными рисками, в отличие от Турции или стран Запада. Фактически, в рамках «сопряжения» ЕАЭС и ИПП Россия и Китай предлагают региону Центральной Азии тот же самый набор стратегически значимых экономических инструментов и благ, который эти страны утратили с распадом СССР. Среди них — развитие топливно-энергетического комплекса через участие российских и китайских компаний в добычных и нефтегазотранспортных проектах; развитие логистики, промышленности и инфраструктуры в рамках инвестиционных соглашений. В случае присоединения к ЕАЭС страны обретут четыре экономических свободы — передвижения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Также у них появится возможность извлекать транзитную ренту в случае успешной реализации проектов трансконтинентальных транспортных коридоров. Все вышеперечисленные меры, в основе которых лежат современные технологии и экономические модели, позволят снять самое главное препятствие, которое сдерживало развитие региона на протяжении значительной части его истории — отсутствие выходов к морю, и, следовательно, невозможность преференциального участия в мировой морской торговле.

Очевидно, что ни американские, ни европейские стратегические инициативы в регионе не отвечают масштабам целей развития не только Центральной Азии, но и всего евразийского пространства. Будучи неготовыми к масштабным инвестициям, к обеспечению региональной безопасности не на словах, а на деле, США и ЕС не имеют возможности даже частично предоставить странам Центральной Азии то, что предлагают и смогут дать в перспективе Россия и Китай.

Библиографический список

Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 24 мая 2023 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1872168/ (дата обращения: 05.05.2024).

В Туркменистане подвели итоги переписи населения 2022 года. URL: <https://auh.com.tm/ru/item/669> (дата обращения: 11.04.2024).

Внутри учебника истории. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vnutri-uchebnika-istorii/> (дата обращения: 22.04.2024).

Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 6—18.

Михалёв А.В., Рахимов К.К. Евразия с точки зрения Фуко // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 98—111.

Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии в условиях нового миропорядка. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=lwffsvdtuq762965862> (дата обращения: 20.05.2024).

Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. 705 с.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. URL: <https://sportrg.ru/2022/02/06/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-knr.html> (дата обращения: 13.05.2024).

Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от Центральной Азии к Евразии и многополярному миру // Энергетическая политика. 2023. № 2. С. 78—85.

EI Statistical Review. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 29.04.2024).

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. No. 4. P. 421—437. DOI: <https://doi.org/10.2307/1775498>

U.S. Geological Survey, Mineral commodity summaries 2024. Reston, Virginia: U.S. Geological Survey, 2024. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.3133/mcs2024>

WNA: Uranium Supply. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/uranium-resources/supply-of-uranium> (дата обращения: 11.05.2024).

World Economic Outlook Database, April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 22.05.2024).

References

Brifing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V.Zakharovoy, Moskva, 24 maya 2023 goda [Briefing of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V.Zakharova, Moscow, 24.03.2023]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1872168/ (accessed: 05.05.2024)

V Turkmenistane podveli itogi perepisi naseleniya 2022 goda [In Turkmenistan summarised the results of the census of population in 2022.]. URL: <https://auh.com.tm/ru/item/669> (accessed: 11.04.2024)

Vnutri uchebnika istorii [In the history textbook]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vnutri-uchebnika-istorii/> (accessed: 22.04.2024)

Karaganov S.A. Ot ne-Zapada k Mirovomu bol'shinstvu [From the non-West to the world majority] // Rossiya v global'noy politike. 2022. T. 20. № 5. P. 6—18.

Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Evraziya s tochki zreniya Fuko [Eurasia from Foucault's point of view] // Rossiya v global'noy politike. 2024. T. 22. № 1. S. 98—111.

Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Tsentral'noy Azii v usloviyakh novogo miroporyadka [Prospects for cooperation between Russia and Central Asia in the new world order]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=lwffsvdtuq762965862> (accessed: 20.05.2024).

Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. 2003: Stat.sb. М.: Goskomstat Rossii, 2003. 705 s.

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh, vstupayushchikh v novuyu epokhu, i global'nom ustoychivom razvitii [Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on International Relations Entering a New Era and Global Sustainable Development.]. URL: <https://sportrg.ru/2022/02/06/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-knr.html> (accessed: 13.05.2024).

Khalova G.O., Illeritskiy N.I. Energeticheskaya geopolitika i transformatsiya ShOS: ot Tsentral'noy Azii k Evrazii i mnogopolyarnomu miru [Energy Geopolitics and the Transformation of the SCO: From Central Asia to Eurasia and a Multipolar World] // Energeticheskaya politika. 2023. № 2. S. 78—85.

EI Statistical Review. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 29.04.2024).

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. No. 4. P. 421—437. DOI: <https://doi.org/10.2307/1775498>

U.S. Geological Survey, Mineral commodity summaries 2024. — Reston, Virginia: U.S. Geological Survey, 2024. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.3133/mcs2024>

WNA: Uranium Supply. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/uranium-resources/supply-of-uranium> (accessed: 11.05.2024).

World Economic Outlook Database, April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed: 22.05.2024).